УДК 355.133’’193”

Кулаков Павел Павлович – соискатель учёной степени канд. ист. наук при кафедре истории ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный гуманитарный университет» (г. Хабаровск). *E-mail: pavel@dvforpost.su*

П.П. Кулаков
P.P. Kulakov

Антисоветские настроения и их преодоление в ОКДВА в начале 1930-х гг.

На рубеже 1930-х гг. командование Особой Краснознамённой Дальневосточной армии (далее – ОКДВА) столкнулось с серьёзными проблемами политико-морального состояния её личного состава. Проблемы выражались в так называемых «антисоветских настроениях» – негативном отношении и неприятии политики государства со стороны значительной части красноармейцев. Командование предпринимало активные действия по преодолению этих явлений и укреплению политико-морального состояния войск. В статье анализируются основные формы проявления антисоветизма со стороны красноармейцев и основные меры, предпринимаемые командованием, по их преодолению и усилению дисциплины в войсках.

Anti-Soviet moods – negative attitude overcoming in SFEA at the beginning of 1930ies.

At a boundary of 1930ies command of Special Far East army (SFEA) fased serious problems of a political morale of its staff. Problems were expressed in so-called “anti-Sovet moods” – negative attitude and rejection of policy of the state from considerable part of red Army men. Command undertook active actions on overcoming of these phenomena of problems and strengthening of a political morale of armies. In the article the main forms of manifestation of an antisovietism are analyzed from Red Army men and the main measures undertaken by command? For its overcoming and discipline strengthening in armies.

Ключевые слова: *Особая Дальневосточная армия, В.К. Блюхер, антисоветская агитация, кулацкие настроения, репрессии, политзанятия, особый отдел, политуправление.*

Keywords: *Special Far East army (SFEA), Blyukher V.K., anti-Sovet propaganda, Kulak moods, repressions, political occupations, Political department.*

История формирования Особой Краснознамённой Дальневосточной армии (далее – ОКДВА) имеет значительную историографию [3, 4 и др.]. Однако до недавнего времени засекреченность ряда документов, сводок особых отделов о морально-политическом состоянии личного состава армии не позволила в полной мере изучить сложные проблемы социально-политического характера, преодолеваемые командованием ОКДВА на раннем этапе её становления – 1929 – 1931 гг. (так как с 1932 г. начался активный рост численности ОКДВА). В частности, не получила должного исследования проблема так называемых кулацких и антисоветских настроений среди рядового и младшего командного состава армии. Вместе с тем, настроения красноармейцев, их взгляды важны для понимания особенностей становления ОКДВА. Цель данной статьи заключается в том, чтобы, опираясь на сводки и донесения Особого отдела и Политуправления ОКДВА, проанализировать и обобщить основные тенденции в настроениях рядового состава армии на начальном этапе её становления (1929 – 1931 гг.), оценить их характер и раскрыть методы преодоления антисоветских настроений, примененные командованием ОКДВА. В документах под антисоветскими настроениями красноармейцев понимается неприятие ими политики государства, в особенности политики массовой коллективизации крестьянства и ликвидации кулачества как класса.

Обострение отношений СССР с Китаем в связи с агрессией милитаристских группировок в Маньчжурии послужило основанием для создания Особой Дальневосточной армии (далее – ОДВА, с 1930 г. – Особая Краснознамённая Дальневосточная армия (ОКДВА)). Приказом Реввоенсовета от 6 августа 1929 г. в состав Дальневосточной армии вошли войска СибВО (далее – Сибирского округа), находящиеся на территории Дальневосточного края (далее – ДВК), Бурят-Монгольской АССР и Иркутского округа: 1-я, 2-я, 26-я, 35-я, 36-я стрелковые дивизии; 5-я и 9-я кавалерийские бригады. Из центральных районов СССР были переброшены 21-я Пермская Краснознамённая и 12-я им. Сибревкома стрелковые дивизии [3. С. 91]. Командующим ОДВА был назначен герой Гражданской войны В.К. Блюхер, имевший значительный опыт работы на Дальнем Востоке.

С первых дней командование армии столкнулось с целым рядом трудностей материального характера: нехватка оружия, боеприпасов, казарм для размещения солдат и многое другое. Серьёзной проблемой формирования ОКДВА стало политико-моральное состояние военнослужащих, преодоление антисоветских настроений среди части красноармейцев.

Настроение, в широком смысле этого слова, – форма жизнеощущения, общее состояние (тон). В настроении находит выражение личное отношение человека ко всему окружающему. Оно выступает общим смысловым контекстом всей душевной жизни и деятельности человека.

Антисоветские настроения среди крестьян в начале 1930-х гг. были представлены неприятием политики сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. С этими настроениями красноармейцы из числа крестьян приходили в армейские ряды. Начало массовой коллективизации деревни и ликвидация кулачества как класса напрямую оказывали влияние на боевой дух значительной части красноармейцев, так как большинство из них были выходцами из крестьян. Так, в призыве 1928 г. (в СибВО) доля крестьян составляла 63% [9. Л. 51]; призыве 1929 г. (ОДВА) – 60,7% [10. Л. 23]. При этом, значительная часть сибирского и дальневосточного крестьянства принадлежала к числу зажиточных, Сибирь и Дальний Восток по этому показателю превосходили все остальные регионы РСФСР: 6,7% – в Сибири и 7% – в Дальневосточном крае (для сравнения, в Центрально-Чернозёмном – 2,3%, в среднем, по РСФСР – 3,7%, УССР – 4%) [2. С. 25].

Возникшее среди личного состава ОКДВА такое явление, как «кулацкие» или «крестьянские» настроения, стало наиболее распространенной формой проявления антисоветских настроений среди красноармейцев. В обзоре Особого отдела за 10 сентября 1929 г. кулацкие настроения и агитация выделялись как одна из главных проблем политико-морального состояния личного состава. Условно выделим три основные формы антисоветизма: пассивная, активная и крайняя. Пассивной форме сопротивления государственной политике была подвержена значительная часть красноармейцев из числа крестьян и являлась во многом латентной или устно выраженной. Другой формой неприятия советской политики красноармейцами являлась активная антисоветская агитация, направленная на подрыв дисциплины и призывы к невыполнению приказов. Её вела относительно незначительная часть красноармейцев из числа зажиточных крестьян.

В первые месяцы существования дальневосточной армии наиболее активными они были в 21-ой Пермской дивизии (особенно в 61-ом полку), где была выявлена деятельность сразу нескольких групп, ведущих активную антисоветскую агитацию, а лояльное настроение к советской власти сохранялось только у рабочей прослойки красноармейцев [7. С. 3 – 4]. Имели место факты распространения антисоветских листовок и попытки вербовки красноармейцев так называемыми «контрреволюционными организациями». «… В суждениях кр[асноармей]цев, – говорилось в одном из донесений, – по какому бы поводу они не происходили, всё больше усиливается тактика организационного нажима и коллективных выступлений. Более того, со стороны отдельных кр[асноармей]цев внушается мысль о связи с какой-либо к-р[контрреволюционой] организацией» [7. Л. 5 – 6].

Вот несколько примеров, характерных для подобной агитации: «… Перебить командиров и коммунистов, а самим поднять оружие и сдаться в плен», «… вот что, ребята, во время войны давайте организуемся и перебежим к китайцам, а там пошлют в тыл, всё будет лучше» [7. Л. 4 –

7]. На вопрос: «Кто не пойдёт на фронт?», – он (Кузьмин – красноармеец) ответил: «Можно сказать, что любой, взять хотя бы меня или тебя. Вот я наблюдатель, а у наблюдателя есть пулемёт в руках, если я замечу противника за 200 шагов, то команду подам за 600 шагов, и мой пулемёт не будет поражать противника, и таких, как я, найдётся много» [7. Л. 3]. На вопрос политрука: «Как вы будете переносить трудности войны?», – красноармеец Костылев ответил: «Надоест, так я поверну оружие против своих, так, как это сделала в своё время царская армия, оно и так уж надоело служить» [12. Л. 288].

Активная форма представляла более серьёзную опасность, поскольку агитаторы стремились завербовать среди красноармейцев как можно больше своих сторонников. Так, в сводке Особого отдела за 22 сентября 1929 г. утверждалось, что «… в красноармейской среде растут крестьянские настроения, зажиточные высказывают резкие недовольства, осуждая политику советской власти, по их мнению, сов[етская] власть душит крестьянство, разоряя как кулака, так и середняка, силой заставляет записываться в коллективы» [7. Л. 66]. Это приводило к росту так называемых кулацких (или крестьянских) настроений, регистрируемых особистами. Например, в 26-ой дивизии за первую неделю ноября зафиксированы 42 факта кулацких настроений, против 23 за предыдущую неделю [7. Л. 215].

Настроенные таким образом красноармейцы отказывались от участия в различных коллективных политических мероприятиях. Например, в августе 1929 г. в 61-ом полку 21-ой дивизии имел место случай срыва принятия резолюции, причиной этого стало выступление нескольких красноармейцев с критикой политики партии в деревне. А в сентябре 1929 г. «… в 77-ом полку красноармейцы Фридлер, Моор и Фаренбург отказались голосовать за коллективную посылку домой писем о необходимости досрочной сдачи налога, говоря: «Мы не знаем положение дома, там и без нас распорядятся» [7. Л. 66].

Крайней формой сопротивления политике государства или «антисоветизма» являлись конкретные действия, направленные на саботаж: порча материальной части, неповиновение командирам, подстрекательство к дезертирству. Известна попытка организации массового дезертирства и угрозы «начсоставу физической расправой» в 21-ой дивизии в августе 1929 г. [7. Л.4]. Всего к 10 октября 1929 г. с момента выхода частей к границе имел место 101 случай угроз начсоставу. Из них 31 – это недовольства политического характера: «… угрожающе относились к лицам, ущемленным хлебозаготовками и налогами» [7. Л. 138]. Имели место даже покушения на убийства политработников и командиров. Например, в 1930 г. была совершена попытка убийства секретаря партийной ячейки 5-й кавбригады [10. Л. 420 – 454]. Хотя подобные действия носили эпизодический характер, они имели резонанс и морально-политическому состоянию армии наносили большой ущерб. Здесь стоит упомянуть угрозы лично командующему

ОКДВА В.К. Блюхеру. Анонимное письмо было отправлено в его адрес от имени некоей группы красноармейцев, которые выражали своё негодование по поводу политики правительства. В нем авторы от командующего ОКДВА требовали договориться с краевыми властями и принять меры по улучшению положения населения. Требования подкреплялись прямой угрозой: «… и если вот эти требования не будут удовлетворены, так и ждите Варфоломеевскую ночь» [10. Л. 263 – 264].

С началом активных боевых действий на КВЖД в октябре 1929 г. морально-политическое напряжение в действующей армии ослабло. «… Распространённые до последнего времени кулацкие настроения и жалобы на необеспеченность семей сократились до минимума. Одновременно с подготовкой и выходом отмечался большой боевой подъём», – докладывал 27 апреля 1930 г. заместитель начальника Особого отдела ОКДВА И.Б. Лернер [10. Л. 263 – 55]. Однако с окончанием боёв начался новый виток недовольств в рядах красноармейцев. Главным источником кулацких настроений по-прежнему считалось влияние деревни через входящую корреспонденцию. Оценивая объёмы «отрицательной» корреспонденции, поступающей в ОКДВА, видно, что реальный объём писем из деревни «отрицательного» характера составлял примерно четверть от общего объёма входящей корреспонденции [10. Л. 307]. Эмоциональность и негодование в перлюстрируемых письмах говорят сами за себя: «У нас ходят слухи, что вся Сибирь сидит голодом, что давно уже была голодная Сибирь, а сейчас особенно»; «… у нас всё еще не перестают мучить людей с хлебом и, наверное, к весне многие помрут с голоду». Высказывались утверждения о скором и неизбежном нападении на СССР иностранных государств: «… Говорят, что скоро будет война, что Польша, Румыния и Франция хотят наступать на СССР, наверное, эта власть сменится» [10. Л. 138]. Особенно часто в письмах упоминались проблемы нехватки семян, сокращения пахотных площадей, неизбежного сокращения посевов и опасности голода [там же]. «… Значительный процент писем, приходящих … из некоторых округов Западной Сибири по-прежнему пестрит сообщениями о недосеве, о плохом состоянии хлебов, и на этом основании пророчат неизбежность голода, подобного голоду 1921 года» [10. Л. 307], – говорилось в одной из сводок. Интересна прослеживающаяся в письмах марта – апреля 1930 г. реакция крестьян на знаменитую статью И.В. Сталина «Головокружение от успехов» и Постановление ЦК «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». Часть из них воспринимала его (постановление) как «отступления партии, колебания и т. д.». Некоторые же полагали, что искривлений не было, а насильственная коллективизация и была подлинной линией партии, которая «… из страха перед повстанческим движением выдумала эти искривления, прикрыв ими своё отступление» [10. Л. 141].

Наряду с антисоветскими высказываниями и агитацией в некоторых армейских частях, возникали группировки, ведущие организованную

антисоветскую агитацию. Причём, значительную долю участников группировок составляли рабочие, батраки и бедняки. Так, за период с декабря 1930 г. по февраль 1931 г. в частях ОКВДА были вскрыты 3 антисоветские группировки, 70% участников которых составляли рабочие, батраки и бедняки, хотя организаторами группировок «почти всегда оказывались соц[иально] чуждые элементы» [11. Л. 59]. А с декабря 1930 по май 1931 гг. были зарегистрированы уже 8 контрреволюционных группировок и 21 случай прямой антисоветской агитации [11. Л. 91]. На этом фоне имел место рост дезертирства и пьянства. За пьянство в декабре 1930 г. на гауптвахте отсидели 30 чел. (в общей сумме 151 сутки), в феврале – 22 чел. (188 суток) [11. Л. 60 – 61]. По мнению Политуправления, именно через пьянство происходило вовлечение красноармейцев в антисоветские группировки. Имели место отдельные факты прямого вредительства, порчи материальной части [11. Л. 91об].

Командующий ОДВА В.К. Блюхер, ветеран Первой мировой войны, один из тех, на чьих глазах происходило разложение армии Российской империи, не мог не осознавать опасность подобных настроений. Ответные меры последовали довольно скоро. Уже 1 октября 1929 г. вышел Приказ №2/004 за подписью В.К. Блюхера, Я.А. Лапина и Д.Н. Гусева, согласно которому в частях ОДВА необходимо было выявить и «изъять» всех «классово чуждых и социально опасных элементов», т. е. тех, чьи родители лишены избирательных прав. Под эту категорию попадали главным образом дети и близкие родственники священников, бывших полицейских, кулаков, уголовники и все, «… проявившие себя с резко отрицательной стороны по службе и, главным образом, по влиянию на окружающих». «Изъятие» полагалось производить специальным комиссиям, в составе комдивов, начальников Особого отдела и Политотдела дивизии. «Изъятие», согласно приказу, означало перевод на обслуживание в военно-рабочие роты [7. Л. 171 – 173].

Практика увольнения из армии лиц, лишённых избирательных прав, была изменена в феврале 1930 г. специальным Приказом №2/400140 [10. Л. 22]. Все материалы о лишении избирательных прав теперь направлялись во 2-ой отдел штаба армии. А увольнение таких лиц могло проводиться только по особому распоряжению 2-го отдела штаба армии или Особой комиссией.

К 10 октября 1929 г. из «кулацкого и антисоветского элемента» были изъяты 58 человек, прорабатывались на увольнение – 91 [7. Л. 137]. К 5 ноября только из 21-ой дивизии были уволены 22 классово чуждых красноармейца [7. Л. 227 – 228], к 15 ноября из неё были уволены 68 «социально чуждых» и «кулацки настроенных» красноармейцев [7. Л. 241]. Всего за отчётный период с 1 ноября 1929 г. по 1 июня 1930 г. из ОКДВА были изъяты 228 чел. младшего командного и рядового составов (0,47% от всей численности) [6. С. 211].

В дальнейшем со стороны командования ОКДВА поступали указания усилить процесс изъятия классово чуждых элементов. Так, в марте 1931 г. начальник Политического управления армии А.И. Мезис в своём информационном письме выдвинул следующие директивные указания: «… форсировать изъятие из частей классово враждебных лиц и элементов, проявляющих антисоветскую деятельность, … социально-чуждых элементов, случайно просочившихся в армию и скрывших своё социальное прошлое, немедленно, по обнаружении предавать суду», а также усиливать воздействие на нарушителей дисциплины и улучшать работу парторганизаций [11. Л. 62 – 64]. Всего за период с декабря 1930 по май 1931 гг. из армии были изъяты 238 чел. [11. Л. 91], т. е. не более 0,5% от численности ОКДВА.

Однако, кроме упомянутых «изъятий», уже тогда имели место случаи арестов, и отдача красноармейцев под суд [7. Л. 136]. Так, в первых числах марта арестованы и привлечены к ответственности по статье 58 – 10 УК 54 красноармейца, из которых 6 были осуждены «тройкой» к срокам от 3 до 6 лет [10. Л. 41]. С 20 марта по 1 апреля 1930 г. «путём ареста» были изъяты уже 126 чел. [10. Л. 78, 98].

На военно-политическом совещании ОКДВА в декабре 1931 г. отмечалось, что именно политическая подготовка и привлечение армейской общественности способствовали «… поднятию эффективности приговоров и превращению судебной репрессии в орудие воспитания военнослужащих». Фактически это означало признание репрессивной меры как наиболее действенной. Отдельно подчёркивалась важность политической подготовки судебных процессов «… для того, чтобы судебная репрессия являлась действительно полноценным средством воспитания» [11. Л. 122].

Однако было бы неправильно утверждать, что в преодолении антисоветских настроений и действий упор делался только на репрессивные меры. Со стороны политотделов дивизий велась активная разъяснительная работа по вовлечению красноармейцев в соцсоревнование, различные политические кружки. Согласно докладной об итогах политзанятий на зимний период 1930 г., основные задачи политотделов признавались выполненными, и «… основная масса кр[асноармей]цев правильно усвоила вопросы нашей внутренней политики» [10. Л. 324 – 328]. Но «… политорганы не оказали должного внимания скорейшей ликвидации технической неграмотности … и поднятию культурно-политического уровня» красноармейцев [там же]. Именно в низком уровне грамотности и образования рабочей и батрацкой прослойки красноармейцев политотделы видели главную проблему. Из призыва 1928 года (1906 г. рождения) в СибВО грамотных было 54,7%, малограмотных[1] – 30,6% и неграмотных – 14,7% [9. Л. 51]. Среди

[1] Малограмотными считались люди, владеющие элементарными навыками чтения, но не умеющие писать (Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР М. 1964 С. 54 – 55). В документах имелась даже такая формулировка, как «… малограмотных, в незначительной степени отличающихся от

призванных в ОКДВА в феврале 1930 г. малограмотными и неграмотными были 58% [11. Л. 39].

Кроме того, в работе политотделов порой имели место формализм, «извращения политической работы» и злоупотребления, которые регулярно критиковались особистами [10. Л. 78 – 79]. Меры для улучшения работы политотделов принимались. Так, в марте 1931 г. А.И. Мезис потребовал улучшения работы парторганизаций и наказания работников и руководителей за слабую деятельность в этом направлении, а «… массовую работу поставить на службу в укреплении политико-морального состояния, дисциплины и боевой подготовки» [11. Л. 62 – 64]. Согласно данным Отчёта «О[б] итогах исполнения Приказа РВС №080[2] за зимний период», к июлю 1931 г. за слабое руководство политическим воспитанием красноармейцев были сняты с работы 5 комиссаров, 3 ответственных секретаря партбюро, 2 политруководителя и 4 секретаря; распущены одно бюро комсомола и 8 президиумов комсомольских ячеек. Политруководители и помполиты нескольких частей были привлечены к ответственности, в частности командир-комиссар 87-го кавалерийского полка был предан суду за безобразное состояние оружия в полку и личную распущенность [11. Л. 93 об.].

И хотя отмечается приток красноармейцев в партию и заинтересованность военно-политической учёбой, решительного перелома «до сих пор в ряде парторганизаций не создано». По-прежнему имели место «вялость в борьбе с отрицательными явлениями», неумение чётко организовать работу «политорганов» [11. Л. 91]. По итогам инспекторской проверки в декабре 1931 г. в частях ОКДВА результаты политзанятий признавались неудовлетворительными, хорошо усвоили программу только треть (30%), остальные удовлетворительно или слабо [11. Л. 134 – 141].

Как видно, разъяснительная деятельность политотделов не была лишена серьезных недостатков. Тем не менее, на упомянутом военно-политическом совещании ОКДВА в декабре 1931 года констатировалось, что задачи по борьбе с отрицательными явлениями (антиморальными), в целом, были решены. В частности, судимость по воинским преступления снизилась, в сравнении с предыдущим зимним периодом, на 40% (правда, речь идёт о всех типах преступлений). В постановлении совещания ставилась задача охватить в системе воспитания всю рабочую прослойку красноармейцев [11. Л. 122].

О действенности предпринимаемых командованием мер косвенно свидетельствует количество регистрируемых «кулацких» или «крестьянских настроений», к которым причислялись известные сотрудникам Особых отделов факты кулацких и крестьянских выступлений, агитаций или публичных высказываний. Имеющиеся

неграмотных» (Реформа в Красной армии. Документы и материалы. 1923 – 1928 гг. Москва 2006, кн. 2, стр. 271).

[2] По-видимому, речь идёт о Приказе Реввоенсовета №080 от 24 октября 1930 г. "Об итогах боевой подготовки РККА за 1929/30 год и об учебных целях на 1931 год".

неполные данные (за октябрь 1929 г., весну – лето 1930 г. и начало 1932 г.) свидетельствуют о том, что они, в целом, оставались на уровне 750 – 800 фактов, несмотря на некоторые колебания, которые можно объяснить сезонными изменениями (посевная или уборка урожая на селе).

Например, за семидневку с 4 по 10 октября 1929 г., Особым отделом по ОДВА зафиксировано около одной тысячи фактов отрицательных крестьянских настроений (из них 805 – приходилось на 2-ю дивизию) [7. Л. 136]. За десятидневку, с 20 марта по 1 апреля 1930 г., были зафиксированы 773 факта кулацких настроений [10. Л. 76, 75], то есть имелся некоторый спад. В апреле (с 10 по 20) – 803 [10. Л. 130]. Резкий скачок кулацких настроений наблюдался с 20 апреля по 1 мая – 1377 [10 Л. 178 – 179]. К лету их число опять упало и с июня по сентябрь 1930 г. оставалось стабильным, в среднем, около 750 – 800 фактов кулацких настроений за десятидневку [10. Л. 76, 95, 111 – 112, 130, 140 – 141, 178 – 179, 202, 275, 283, 294, 309, 366]. В начале 1932 г. в ОКДВА были зафиксированы 2492 факта антисоветских настроений (они характеризовались как «отрицательные политические настроения») в январе и 2556 – в феврале [12 Л. 287]. Для сравнения 2586 – в апреле (сумма данных из трёх десятидневных сводок) [10. Л. 130, 140 – 141, 178 – 179], 2393 – в мае [10. Л. 202, 275, 241] и 2300 – в июне [10. Л. 283, 251, 294].

Кроме того, в сводках и донесениях Особого отдела и Политуправления за рассматриваемый период общая ситуация с изменениями настроений личного состава армии характеризовалась в целом позитивно. В осенних сводках 1929 г. отмечалось: «… В большинстве случаев антисоветская агитация встречает отпор со стороны кр[асноармей]цев, однако на незначительную часть менее устойчивых она все же влияет» [7. Л. 29], «… наряду с обострением кулацких настроений, мы имеем также рост сопротивления влиянию кулацких элементов со стороны основной массы красноармейцев, происходящих из крестьянско-середняцкой среды» [7. Л. 133 – 134]. Подобная характеристика ситуации сохранялась в сводках за 1930 и 1931 гг. В Политическом донесении №26 за июнь 1930 г. фиксировалось: «… Настроение основной массы красноармейцев, несмотря на усиливающиеся попытки кулачества всевозможными провокационными методами через письма (и непосредственно) повлиять на армию, продолжает оставаться устойчивым. Это находит наиболее яркое своё выражение в широком развёртывании социалистического соревнования за усиление боевой подготовки, в бурном росте ударничества в армии» [10. Л. 265], и приводились убедительные примеры отпора антисоветской агитации со стороны красноармейцев. В сводке за 1 февраля 1931 г. ситуация также характеризовалась оптимистично: «… Характерно, что кулацки настроенные элементы среди молодняка стремятся воздействовать на старослужащих как «живые свидетели» того, о чём они говорят, но в

большинстве случаев они получают отпор как со стороны основной массы молодняка, так и со стороны старослужащих» [11. Л. 41].

Это позволяет предположить, что для основной массы красноармейцев ОКДВА активный антисоветизм и кулацкие настроения были не свойственны. Сводки составлялись компетентными лицами для закрытого пользования и информирования высшего руководства, сознательное искажение ситуации здесь маловероятно. Можно привести данные о наметившейся тенденции оздоровления политико-морального состояния красноармейцев. Согласно сводкам Политуправления, наблюдался рост партийных и комсомольских организаций в ОКВДА. Так, например, в «Выводах об итогах обследования состояния парторганизаций и парт[ийно] полит[ической] работы в частях 35-й стр. дивизии» (март 1931 г.) отмечалось, что «… политико-моральное состояние красноармейской массы устойчивое, это подтверждается ростом партии и комсомола, ростом колхозников, размахом соцсоревнования» [11. Л. 52]. В Резолюции III пленума армейской комиссии ОКДВА от 17 июня 1931 г. отмечалась «… возросшая политическая активность широких красноармейских масс и начальствующего состава, активно поддерживающих генеральную линию партии в социалистическом строительстве», что находило выражение в энтузиазме при боевой учёбе, ударничестве и «значительном увеличении тяги в партию». Следует отметить, что в сентябре – декабре 1930 г. были поданы 1977 заявлений о приёме в члены ВКПб, а в период января-марта 1931 г. – 2707 заявлений, «… повысилось качество роста партийной организации». Выросла и комсомольская организация на 3338 чел. за первый квартал 1931 г. (23,4% к составу всей организации) [11. Л. 103]. Стоит отметить, что рост партийных организаций в ОКДВА тогда не мог быть вызван ростом самой ОКДВА, т. к. концу 1931 г. списочная численность ОКДВА оставалась такой же, как и в 1929 г. – около 40 тыс. чел. [1. С. 55 – 56; 4. С. 244]. Активный количественный рост ОКДВА начался только с 1932 г. Эти факты свидетельствуют о наметившемся постепенном оздоровлении политико-морального состояния личного состава ОКДВА. Тем не менее, сводки 1932 г. свидетельствуют о том, что проблема антисоветских настроений не была преодолена и сохраняла значительные масштабы [12. Л. 278].

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что с первых месяцев существования Особой Дальневосточной армии её командование столкнулось с проблемой антисоветских настроений и агитации среди красноармейцев. Подобно сообщающимся сосудам социально-экономические проблемы в стране отражались на состоянии вооружённых сил. В ряде случаев антисоветская агитация была направлена на подстрекательство к дезертирству, невыполнение приказов и представляла опасность для боеспособности вооружённых сил. Главными носителями и организаторами этих настроений были, в основном, представители зажиточного крестьянства и кулачества. Решая задачу

повышения боеспособности ОКДВА в условиях нарастания военной угрозы на Дальнем Востоке СССР, командование и политорганы в преодолении антисоветских настроений среди красноармейцев использовали такие меры, как перлюстрация корреспонденции, разъяснение государственной политики через организацию политучёбы. В отношении наиболее активных антисоветски настроенных красноармейцев, ведущих агитацию и пытающихся создать группировки, использовались репрессивные меры, в том числе придание суду. И хотя в исследуемый период морально-политическое состояние постепенно крепло, что выражалось в росте партийной и комсомольской организации и даже в отпоре антисоветской агитации, однако, полностью на начальном этапе преодолеть антисоветские настроения среди красноармейцев в армии не удалось.

Литература и источники:

1. Горбунов, Е. А. ОКДВА против японской армии / Е. А. Горбунов. – М. : Вече, 2010. – 464 с.

2. Гущин, Н. Я. Раскулачивание в Сибири (1928 – 1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия / Н. Я. Гущин. – Новосибирск, 1996. – 157 с.

3. Краснознаменный Дальневосточный: история Краснознаменного Дальневосточного военного округа. – 3-е изд., испр., доп. – М. : Воениздат, 1985.

4. Кузин, А. В. Военное строительство на Дальнем Востоке (1922 – 1941 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук / А. В. Кузин. – Иркутск, 2004.

5. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы 1923 – 1928 гг. Книга 2. – М., 2006.

6. Тархова, Н. С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928 – 1933 гг. / Н. С. Тархова. – М., 2010.

7. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 166.

8. ГАХК. – Ф. П.-2. – Оп. 1. – Д. 167.

9. ГАХК. – Ф. П.-2. – Оп. 1. – Д. 171.

10. ГАХК. – Ф. П.-2. – Оп-1. – Д.244.

11. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 301.

12. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 378.